

18+

КАК Я МАТРОСОМ БЫЛ

ЛЕВ
БОРИСОВИЧ

Лев Борисович

Как я матросом был

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56343954

ISBN 9785005106940

Аннотация

Раньше если в армии не служил, значит, ты или больной, или... Раньше, в общем, девчонки не любили тех, кто не служил. Было такое понятие у людей: если ты в армии не был, значит, ты больной. Такое понятие неправильное, конечно. Раньше же всех подряд брали, это была почетная обязанность. ОБЯЗАННОСТЬ – служить в рядах вооруженных сил. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Слово дочери	6
Братья из детдома	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Как я матросом был

Лев Борисович

Поскольку повествование об армейских буднях честные и местами острые, имена героев были заменены на другие или вовсе сокращены до одной буквы с точкой. А совпадения получились случайными. Хоть и случайности не случайны.

Дизайнер обложки Филипп Кузнецов

Корректор Оксана Сизова

© Лев Борисович, 2020

© Филипп Кузнецов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-0694-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Табуретка – баночка, тазик – обрез, столовая – камбуз,

повар – кок или кондей.

– Кондей? Почему?

– Не знаю. Мы их «кондюха» звали, да и все. Это надо читать историю Военно-морского флота и названия брать от туда... Кнехт, есть такое название.

– Это что такое?

– Это когда корабль швартуется и вот такая железная фигура стоит, куда концы швартовых наматываются, вот это называется кнехт... Сашка рассказывал, как в отпуск ездил и его патруль останавливал. Патруль-то ведь из солдат, они не знают названий. У него спрашивают: «Почему форму одежды нарушаешь?» Тот говорит: «Почему нарушаю?» «А где у вас этот подворотничок? Как он у вас называется». А Сашка говорит: «Кнехт, что ли?» «Ну да, наверное». И написали Сашке нарушение: «Нарушил форму одежды. Не было кнехта».

Васька в отпуск поехал. Он же на Северном служил тоже. С дембелями попал в один поезд. Те его решили проверить. А клотик есть такой, самая высокая мачта на корабле, это из парусного еще идет. Они ему: «Ну, заходи, мореман, – сидят, бухают в купешке. – А у вас в какое время-то моряки сидят чай на клотике пьют?» А Васька отвечает: «Слушай, ребята, если вы пробовали, вы, наверное, лучше знаете, но я ни разу не пробовал». «Ну все, – говорят, – свой». И давай всю дорогу бухать. Ну ловят... Наряженных ведь тоже много...

Слово дочери

Эту книгу мы с папой сделали вместе. Он автор-сочинитель, а я его родная дочь, которая его внимательно слушала, записала на диктофон, потом расшифровала и все-все зафиксировала. Так, как рассказывал. Мне хотелось сначала оставить все как есть. Потом я решила подредактировать папину речь – вдруг не все поймут. А после я снова передумала и решила оставить его говор, потому что почему бы и нет.

Диалогов будет мало. От меня будут только уточняющие вопросы, за которые, я думаю, вы, читатели, будете мне благодарны.

Мне всегда было интересно, как служил папа. Я знала только, что он служил три года в Военно-морском флоте на границе с Китаем. А, и еще знала, что в армии он играл на ударной установке. Поэтому практически все, что здесь описано, я сама слышала от него впервые.

Книжка получилась веселая и честная. Иногда даже слишком честная.

Приятного чтения!

Таня И.

Братья из детдома

– Так мы придурки, чо. Нас там так и считали, что это...

Откуда такие взялись – два однофамильца? Думали, братья. Мы ж сказали, что мы детдомовские.

– Зачем?!

– А мы на камбузе стояли. Короче, получили – в учебке дежурить надо было на камбузе. Камбуз – это столовая. Там в твои обязанности что входит. Приходишь, идешь на склады ПФС¹, несешь на камбуз продукты, мясо, ну там 1200 харь бригада-то у нас, не мы одни рабочие, нас много. Но мы везде халявили. То есть руководить старались. У нас было овощехранилище, картошку где хранили. Оно было... короче, у нас набережная тут, в затоне, где корабли стоят, и вот прямо там нору прорыли – овощехранилище – и картошка такая классная хранилась в нем постоянно. То есть в армии сделано все специально для того, чтоб не облегчать труд, не механизировать, чтобы все делать вручную. Вот такие носилки делали: ящик, вчетвером его таскать. Приходишь туда, картошки насыпаешь, в этот ящик, и несешь на камбуз. А там надо в гору подниматься, столько тащить. Потом картошку чистить – так же очистки в этот ящик, вчетвером, усираются все, тащат. Ну то есть дурдом, можно все это механи-

¹ ПФС – продовольственно-фуражная служба.

зировать. Возьмите тележки, увезите, вот так. Не-е-ет. Все это надо делать вручную. Чтобы не расслаблялись. Ну вот. И в оконцовке потом продукты принесли. Приходишь, накрываешь столы. У нас в роте было 120 человек – двенадцать столов. Стол на десять человек: пять здесь, пять здесь, длинная скамейка такая. Все. Были бачки. Вот такой общий бачок. Тебе на камбузе эти кондеи насыпают два бачка, две булки хлеба несешь, уже нарезанные (хлеборез работает там). Хлеборезки – хорошая специальность, кстати. Туда не попадешь. Там это...

– По благу?

– Ну, кому повезло, короче. Кто ближе к начальству, тот хлеборез. Всегда сыт, никаких нарядов, работать не надо. Хлеб приносишь, вот эти два бачка, посуду, просто пачку² из нержавейки – чашки: первое, второе – раздельных не было, все в одно.

– В смысле, сразу?

– Не-е-ет (смеется). Два бачка общих стоит. Ну вот ты представь: наливают суп. Мяса там нет. Там только сало может быть. Свой свиарник был. Может сало с волосами попасть. Такое было. А вот варочные бачки, как тебе не соврать, объемом таким, чтоб можно было варить сразу на тысячу с лишним харь. Можно представить, какой там суп. То есть просто бурда. Если картовка³ попала, то тебе повезло.

² Пачку – десять чашек.

³ Картошка – разг.

Все, вот бачок на стол ставят. Чумичка общая такая. Называли ее чумичка, на стол тоже накрывали.

– Что такое чумичка?

– Ну, половник, разливать. Ты обычно как приходишь. Если ты половник схватил, типа «я бачкую», то это нормально: всем бурду, себе получше. Один садится, один из десяти бачкует. Всем – раз – отдает. И вот два таких бачка дюралюминиевые были и железные. Ну, из дюралья, по-моему. Вот в эти бачки супу налили. Второе что? Обычно все на воде. Пшенка на воде – не ела ни разу?

– Ела!

– Да?

– Не помнишь, я сидела на диете «Шесть каш»? Готовила на воде, без соли, без сахара.

– Ну вот и представляешь, какое это дерьмо?

– Ну, пресно.

– Во-о-от. То же самое давали. Бывало, пюре давали из сухой картошки. Картошка кончалась, соломкой нарезали и в мешки упаковывали. Мы ее жрали просто так. Ну, засушенная картошка. Как урюк засушивают. Был еще клейстер. Там вообще кино! То есть мука эта картофельная. Там начали с желудками все маяться, его потом отменили. И берешь его вот так вот, на половник его надеваешь, просто прилипает какая-то фигня. Раз туда – шлеп! Ну деваться некуда, жрать охота. Все равно кто-то ел, чтоб с голоду не помереть. Так вот оно было.

– И что, все три года так было?

– Не-е-ет.

– Поначалу, да?

– Ну как бы да. На третьем году я вообще не ходил на обед.

Иногда бывало, рыбу давали...

– У вас же там рыбы много должно было быть?

– У нас рыбы там до фига было. У нас свое ВС⁴ уходило: кета, горбуша – она как мусор была, понимаешь? Натуральный мусор. Ее никто не жрал. Вот не поверишь. Сидели десять человек за столом, а я любил рыбу. Приходишь: «Лева, на», – все пайки отдают. Еще любил минтай на пару. Никто не жрет, их десять штук лежит. А я вообще рыбу любил. И селедку давали. То есть что по витаминам положено, это все было в рационе. Я тебе говорю: я ушел в армию, был 78, учебка кончилась – 63 килограмма. То есть разница чувствуется – 15 килограммов за шесть месяцев. Да меньше даже, то есть я вообще вот такой вот сухарь был, и это все на пользу пошло. Этот режим, ты к нему привыкаешь, желудок сужается, и уже не хочешь жрать. На первом году было туго. Хлеб воровали, рассовывали по карманам, ничего не хватало. Бежишь, на ходу жрешь.

– От мамкиной титьки потому что оторвали только?

– Да. Ну там сразу орали: «Мамкины пирожки скоро вылетят!»

⁴ ВС – вспомогательное судно.

И про рабочего я рассказывал. Допустим, рота порубала⁵. Ты уходишь мыть всю посуду. Начинаешь мыть. Два рабочих. Моешь посуду, второй столы все вытирает, прибирает – все сразу моет начисто, чтоб ни одной крошечки, чтоб все блистало. Полы – бетон шлифованный, мощные такие, мыть удобно было. Ни лентяек, ничего – на карачках ползаешь. Здесь домьли, начинаешь накрывать на обед, то есть завтрак кончился. На обед – с нижнего этажа бегаешь на второй этаж, все эти бачки таскаешь, на столы накрываешь. Слышишь: у-у-у, рота идет. Рота пришла, пожрали. Тебе, конечно, достанется от дембелей – ты на первом году. Мне вообще доставалось. Мы с «братом» же были. Там же свои законы. А мы еще ничего не знаем. Там кружки железные, и я на дембельский стол поставил две зеленые кружки. А это за падло считается. То есть зеленая кружка – ну нельзя, у них должны стоять только белые.

– Типа стремно?

– Да. Прилетаешь, слышишь: «Рабочий!» Там стол, под ним подлезает, а там окно выдачи. А «брат» сразу инициативу проявил, он же хитрее меня: «Давай я посуду буду мыть! Иди, там чего-то зовут». Я только морду высунул, в меня – БАМ! – эти кружки. Но я увернулся. «Иди сюда!» – сидят все такие с усами, дембеля-то. Я как только приехал и их увидел, подумал: «Ни хрена себе, лет по сорок, наверное». А флотская традиция была – красить усы. Я тоже кра-

⁵ Порубала – поела.

сил. Сам рыжий, а у всех черные усы.

– А с чем она связана?

– А не знаю, это повелось на флоте давно. Сейчас, может, нет уже такого. Гидроперит, помню, был – таблетки, их разводили, красили. У «брата» не росли вообще, пушок-то он накрасил и кожу выкрасил. Все смеялись, блин.

За это (кружки) дембеля баяю (ну, бая – это командир, старшина роты) сразу подзывают: «Добавки им!» Ну все, нам еще по суткам добавляют. Короче, на трое суток мы зависли.

Это вообще что-то. Приходишь поздно ночью, потом весь зал с мылом моешь поздно вечером. Мы ничего не успели. Пришел бая, посмотрел, вызвал подмогу – пацанов наших. А мы что, мы сначала-то начали ходить – береты на затылок, хотя ты только на третьем году имеешь право на затылок надевать, а пока – так, как положено по Уставу. Руки в карманы. А никто же не знает на камбузе, там же, считай, сводная: дивизион кораблей, дивизион катеров. И мы, тигры... Ну тигров-то, нас, видно ведь сразу!

– Кто такие тигры?

– Учебный пункт. Стриженные, блин, в новой робе – это сразу же видно. А мы с ним давай тут крабовать ходить, деловые такие. Ну, докрабовались – по три наряда получили. Потом уже, на последний день, все, не можешь, натурально не можешь: руки все в мозолях...

Мичман А. у нас был, фронтовик, он приходит и говорит: «А чего у вас фамилии-то одинаковые?» Он дежурным

по камбузу был. Ну а «брат» сразу: «Так мы детдомовские». И я раз – сразу смекнул, ага. И давай мы ему лапшу на уши вешать. Он заревел натурально, веришь – нет. Поверил ему, что нас в капусте нашли! Я смотрю – у него слеза так выкатилась. Ну, видно, мужик-то сердечный. Он фронтовик! Прощел войну здесь, на Дальнем Востоке, мичман. «Ладно, ребята, идите отдыхайте». Я смотрю, он уже не может. «Я, – говорит, – с дивизиона ребят позову, они за вас все вымоют».

– И вам не стыдно было?

– Не-е-ет! Там вот, понимаешь, может, оно и стыдно, но надо выживать. Потом все это смешно, конечно, становится. И вот так. А когда демобилизовались, даже офицеры все говорили: «Ну наконец-то, неужели вы домой уходите!.. Да, без вас очень скучно уже будет». Вроде и отвязаться рады, потому что кругом одни нарушения, а с другой стороны, опять, веселее было с нами-то. Так я говорю, никого так не провожали. Мы же уходили ровно в 4 часа утра. Кто-то там организовал: «Рота, подъем!» Баян, гармошка, представляешь. Пофиг на все уставы, и нас прямо до штаба, блин. Такая толпа, ну, сколько... Ну, вся рота, можно сказать, с баяном, с гармошкой и под пляски. Кто плясал, кто что там творил. Вот снять бы на телефон все это! Никого так не провожали! Все уходят по партиям... Мы-то в предпоследней уходили, 22 июня. 22 июня ровно в 4 утра! Вот совпадение – война началась, и нас из части, блин, выпускают.

Все, пришли. Оперативный посмотрел-посмотрел.

А до аэропорта же добираться. Отдал нам документы какие-то и сопровождающего – мичман Ш. должен был быть. Ну он бухарик, как всегда, опоздал, мы на него внимание не обратили. Из части вышли, пообнимались со всеми.

Зашли к знакомому, который как раз недавно женился, намахнули водочки, переоделись в дембельское все. Ну, все равно же выходили в уставном. Ну, у меня уставное было чуть-чуть подрастянутое, 46 размер. В аэропорт приехали, смотрим, Ш. бегаёт, блин. А мы поддали уже, дикость же там: гражданка уже, ходим, барагозим. Документы, оказывается, забыли! Он нам документы привез. Мы без документов вырулили, представляешь. Какую-то пачку взяли документов, остальные забыли. Но билеты-то у нас уже куплены были, заранее покупали. Короче, летели (правда, могу сейчас ошибиться в очередности): Благовещенск – Чита – Иркутск – Новосибирск – вот это все пересадки у нас были, с самолета на самолет. А не было прямого рейса! А нам надо было 24-го быть на свадьбе у Васьки. День в день успели. Ну, мы 23-го прилетели, попиروвали, 24-го уже на свадьбе. Успели все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.